
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Татьяна Соловьева. Петербурженка (Превратности женской судьбы).
СПб.: Реноме, 2023. — 172 с.: ил.

Татьяна Соловьева, уроженка Ленинграда, блокадница, в прошлом инженер-конструктор, а затем экскурсовод и музейный работник, увлеченный историей родного города, рассказывает о судьбе своей матери, родившейся в Санкт-Петербурге в 1911 году в дворянской семье. Фактически это рассказ о пяти очень разных жизнях, выпавших на долю одного человека, тональность которых определяло время. История страны через историю одной судьбы. Мила, Милица родилась в очень благополучной семье. Ее отец, выпускник Санкт-Петербургского института путей сообщения, работал главным инженером в железнодорожном ведомстве. Мать занималась семьей, вела дом, следила за воспитанием девочек, маленькой Милы и ее старшей сестры Тамары. В наследство от родителей мать девочек получила четырехэтажный дом на Старо-Невском проспекте, неподалеку от Московского вокзала. В нем и жила семья. Хозяева занимали весь парадный второй этаж. На первом этаже находились комнаты няни, повара, горничной и швейцара. Квартиры третьего и четвертого этажей, имевшие отдельный вход, сдавались внаем. Денег от сдачи квартир, зарплаты мужа вполне хватало на обеспеченную жизнь. Дети росли в любви и довольстве, приглашаемые на дом учителя обучали сестер игре на фортепьяно и бальным танцам, языкам. Зимой мать с дочерьми проводили в Петербурге, а летом уезжали на Средиземноморское побережье, неизменно поселяясь в бухте Вильфранш-сюр-Мер вблизи города Ницца. Отец семейства и члены его семьи имели право на бесплатное проживание в находившейся там русской гостинице. Т. Соловьева прогуливается по Ницце и окрестностям вместе со своими героинями, посещает с ними особняк П. Дервиза, виллу Ротшильдов, парк с уникальным розарием и статуями. Она в подробностях живописует историю бухты, с середины XIX века и до середины XX века считавшуюся Средиземноморской базой Российского флота, рассказывает о достопримечательностях и о русских в Ницце. Эта светлая идиллия, которую Милица Анатольевна на старости лет будет видеть во снах, закончилась в 1917 году. Мать, раньше всегда уверенная в себе женщина, стала рассеянной, часто замыкалась в себе, плакала тайком от девочек. «Напряженная обстановка прежде всего исходила от улицы, где теперь стали появляться вооруженные солдаты, толпы плохо одетых, а иногда и грязных людей, горланивших революционные песни... Их некогда чистая улица теперь не подметалась. Из окон дома было видно, что повсюду валялись огрызки фруктов, изорванные в клочья бумаги, грязное тряпье... Наступило какое-то неопределенное время, когда все их соседи, знакомые и друзья жили в тревожном ожидании каких-то непонятных событий. По городу ходили различные слухи о выселениях богатых людей из домов, изъятиях у них больших квартир и переселении их в другие места. И хотя вышел указ нового правительства о нормах на жилплощадь и уплотнении квартир, многие думали, что все обойдется, их не тронут, так как они имеют деньги, завоевали признание окружающих своей службой России, имеют награды, а потому нужны городу и родине. Так, зная о заслугах мужа, рассуждала и Елена Алексеевна». Она ошиблась. В феврале 1918 года, когда отец находился на работе, в квартиру нагрянули «уплот-

нителю». Разговаривая с ними, мать так разнервничалась, что ее отправили в психиатрическую больницу. Больше девочки ее не видели. Даже пост отца не помог ему забрать жену из больницы, похоронили ее в общей могиле. Началась вторая жизнь героини повествования. Жизнь в коммуналке, где помимо их семьи жило еще восемь, няня вместо матери, лето в городе, с 1922 года — в пионерских лагерях. Когда умерла няня, Милу стала опекать сестра, которая была старше ее на шесть лет. Сестры по-разному адаптировались к новой действительности. Старшая чаще замыкалась в себе, вспоминала мать и прежнюю жизнь. Веселый, живой характер младшей делал ее заводилой в школе, а потом и в инженерно-экономическом институте, куда она поступила. У обеих в жизни была целомудренная, красиво развивающаяся любовь. У Тамары, студентки консерватории, она закончилась трагично: ее возлюбленный, тоже студент консерватории, талантливый виолончелист, был арестован, осужден как «враг народа» и сослан. Мила вышла замуж и незадолго до войны родила двойняшек. Ее третья жизнь началась в 1941 году. Муж, призванный на фронт в первые дни войны, пропал без вести. Во время бомбежки погибли родители мужа, отец, умерла сестра, подкармливавшая из своего пайка племянников. Сама Мила работала на заводе, выпускавшем военную продукцию, по решению заводского начальства была отправлена с детьми на Большую землю. При первой же возможности вернулась в родной город. Началась ее четвертая жизнь — не приносящий радости повседневный жизненный круговорот: заботы о хлебе насущном, безденежье, карьерный рост, партийная и общественная работа, намечающиеся, но не состоявшиеся по разным причинам дружбы. Из-за дефицита времени его не хватало ни на детей, ни на себя. Текст не равномерен. Яркие, «воскресающие» былые времена эпизоды первой половины повествования (до-революционная русская Ницца; ночной арест соседа по квартире; блокадные дети, что ели золу из печки; солдат у дверей теплушки, в которой по Большой земле ехали блокадники, не допускающий в вагоны несших ленинградцам хлеб местных жителей) сменяются тусклым, быстро проговариваемым текстом. Пятой жизнью стал пенсионный период: прогулки, концерты, дача, дети и внуки как нечастый праздник. И воспоминания о прошлом, которые Милица до этого старательно стирала из памяти. Уже умирая, она впервые рассказала дочери о дворянском происхождении, о доме, принадлежавшем семье, о том, что помнила о своей прежней жизни. Верная своей любви к городу, Т. Соловьева не раз проходит вместе со своими героями по его улицам, проводя своеобразную экскурсию. В книгу вошли также два рассказа, связанные с жизнью петербурженки. Это «Перстень Веневитинова» — история перстня, соединившая судьбы трех неординарных людей: светскую красавицу З. Волконскую, поэта Д. Веневитинова, геолога-тектониста (и поэта) Н. Штрейса. Н. Штрейс, троюродный брат Милы, помогал ей материально и забирал на лето детей к себе в Москву. Жил он рядом с Новодевичьим монастырем, об интересных захоронениях на московском Новодевичьем кладбище и русских людях, покоящихся во Франции на кладбище Сен Жевьев де Буа, идет речь в рассказе «Там, на погостах, милые сердцу лежат...».

Ольга Богданова, Юньмэй Цзан. «Восточная ветвь» русской поэтической эмиграции (1920–1940-е годы) СПб.: Алетейя, 2023. — 210 с. — (Петербургская филологическая школа).

В отличие от так называемой «западной ветви» русской литературной эмиграции, сосредоточенной в Европе, «восточная ветвь», главным образом — китайская с центрами в Харбине и Шанхае, до недавнего времени находилась на периферии внимания

исследователей. Вместе с тем, указывают авторы книги, «китайский период» русской литературной эмиграции оставил значительный след в истории и развитии культуры обеих стран — России и Китая. Расцвет «восточной ветви» пришелся на 1920—1940-е годы. Харбин, основанный в связи со строительством КВЖД по указу Николая II (1898) и заселенный русскими, после 1918 года стал прибежищем русской творческой интеллигенции. Эмигранты активно занялись издательством, создавали литературные кружки и объединения, проводили литературные вечера. В 1929 году после разрыва дипломатических отношений Китая и СССР русские харбинцы начали покидать город. С началом японской оккупации (1931) русские эмигранты устремились из Харбина в Шанхай, туда переместилась и русская литературная жизнь. Во второй половине 40-х годов XX века, когда Китай резко поменял политику, русские эмигранты вынуждены были покинуть свою «вторую родину». Ольга Богданова и Юньмэй Цзан показывают, какие особые, неповторимые специфические черты имела восточная, относительно изолированная ветвь богатейшей словесности русского зарубежья. Принесла на Восток духовное богатство русской культуры, русские испытали влияние древнейшей восточной культуры. Центральное место в сознании русских эмигрантов «восточной ветви» (как и «западной») занимал образ России. А так как Россия была и во многом остается страной литературоцентричной, оказавшись за рубежом, русские литераторы поддерживали культ русской литературы. Это отражалось в их творчестве. Они сознательно вводили в текст имена русских (позже китайских) писателей (классических или современных), имена литературных героев, характерные образы-символы, узнаваемые мотивы, речевые обороты, даже ритмику и размер. В книге анализируются тексты поэтов «харбинско-шанхайского» региона — В. Перелешина, А. Несмелова, А. Ачаира, Ф. Камышнюка, Н. Петереца, Н. Светлова, В. Обухова, Н. Щеголева, В. Марта, Ю. Крузенштерн, Т. Андреевой, — связанные с образом родины, России, Петербурга, с русской литературной традицией. Детальному разбору подвергаются конкретные стихотворения. Поэтический шедевр Ф. Камышнюка, поэта, близкого словотворчеству футуристов Маяковского и Хлебникова и в то же время сохраняющего традиции русской классики, — «Неизбывной памяти А. Блока», где за судьбой Блока вырисовывается судьба всей России. Акмеистические тенденции в образе родины-литературы у Т. Андреевой, на примере стихотворения «Лестница в облака», в котором возвеличивается Н. Гумилев... В своих «петербургских текстах» харбинские поэты напрямую либо опосредованно обращаются к своим литературным предшественникам, развивают, переосмысливают мотивы и образы творений своих предтеч. Пушкин, Гоголь, Достоевский, Фет, Тютчев, Лесков... Аллюзиями, напрямую связывающими Родину и литературу, пронизан «петербургский текст» Н. Петереца: «Нет, не Москва, где каждый палисадник, / Где каждый двор — в миниатюре — Русь, / Преодолеть мне помогает грусть / О Родине, а устремленный всадник, / Воспетый Пушкиным» («Достоевский»). Самоценному анализу стихотворений предпосланы биографические справки (всего рассмотрено творчество полутора десятков поэтов). Образная система «родина-литература» не была единственной в творчестве этих поэтов, отмечают исследователи, но она неизменно занимала важное место. «Образ родины (родины литературы) стал той общей (единой) темой эмигрантского творчества в Китае, которая позволяла участникам маньчжурского литературного процесса осознавать себя органической частью большой русской литературой». В то же время в творчестве поэтов «восточной ветви» отразился образ их «второй родины», Китая, приютившего их в годы революционных потрясений. Подобно тому как поэты «возрождали» образ родины-России через литературу, так и в случае со «второй родиной» именно китайская литература (главным образом древняя, средневековая) служила русским поэтам

важным источником освоения новой для них китайской среды. Для анализа отобранны произведения самых ярких и талантливых представителей «восточной ветви», в которых в той или иной мере авторами были привлечены ориентальные мотивы, образы, символы или использованы реминисценции из китайской классической поэзии. Практически во всех этих стихотворениях упоминаются великие китайские поэты или имена известных исторических лиц Китая. Среди них один из самых почитаемых в Китае поэтов, бессмертный гений поэзии Ли Бо (773–831), гений (или демон) стихов Бо Цзюи (772–846), Ду Му (803–853), последний по времени крупный поэт эпохи Тан, автор чувственных, лирических коротких стихотворений. В некоторых случаях их имена вынесены даже в заглавия стихотворений. Древняя китайская поэзия неизменно вдохновляла поэтов «восточной ветви», среди которых были и знатоки китайского языка. Каждое из обращений русских поэтов-эмигрантов к китайской поэзии — пример тонкого понимания этнических особенностей народа, нюансов его ментальности, поэтического подтекста Востока. С уважением относясь к китайской древности, признавая ее художественную высоту и ценность, отталкиваясь от классических образцов китайских поэтов и разворачивая мотивы и образы древней поэзии порой до балладного повествования, русские поэты не разрушали этико-эстетических основ китайской традиционной поэзии, придавали ей новые чудесные краски, оттенки, звучание. Открывая малознакомые страницы интереснейшей русской (и китайской) литературной истории, О. Богданова и Ю. Цзан с удовлетворением отмечают, что в настоящее время поэты «русского литературного Китая» выходят из забвения, о чем свидетельствует появляющаяся литература, им посвященная. Обзор литературы, ссылки на источники представлены в книге.

Анна Орлова. Эволюция образа врага в советском кино. 1941–1964 годы.
М.: Концептуал, 2023. — 256 с.

Отечественный кинематограф 1941–1964 годов, констатирует Анна Орлова, являлся мощным инструментом идеологического воздействия на умы и сердца и современников, и послевоенного поколения советских граждан. Благодаря силе эмоционально-психологического воздействия художественные кинофильмы были (продолжают оставаться и сегодня) одним из важнейших орудий пропаганды. Образ врага в них — неотъемлемый инструмент в идеологической борьбе и может служить как средством консолидации общества, так и его разобщения. Естественно, в СССР кинематограф находился под неусыпным контролем партийных и государственных органов. А. Орлова подробно пишет об изменениях, которые за четверть века происходили в партийных и государственных структурах, отвечающих за идейно-художественное содержание фильмов: реформы, переименования, перераспределение обязанностей, изменение функций, борьба между партийными и государственными структурами, особенности взаимодействия властных органов и кинематографистов. Лично контролировал кинематограф и Сталин, уделяя особое значение киносценариям. В то же время, пишет А. Орлова, творческая интеллигенция отнюдь не была «безголосой» и «раздавленной» тоталитарной системой, и приводит конкретные примеры того, как кинематографисты отстаивали свои взгляды. Порой для показа допускались фильмы, не соответствующие идеологическим установкам государства, а картина, ограниченная к показу внутри страны, вполне могла представлять СССР на международном кинофестивале. После смерти Сталина демократические процессы затронули и кинематографию. В 1957 году появился Союз работников кинематографии, а в 1963 году — Госкино. От текущей

внутренней ситуации в стране и от международной обстановки зависело, кто изображался в кинолентах «внешним» или «внутренним» врагом и как. Так, в связи с изменениями отношений Германии и СССР в конце 30-х — начале 40-х годов на какое-то время немец-фашист исчез с экранов. Если в предвоенные годы основными противниками в кино выступали диверсанты, шпионы, капиталисты и белые офицеры, то с начала войны врагами стали немцы: маниакально жестокие, манерные, психически неуравновешенные офицеры и оглуленные, послушные исполнители — солдаты. Осенью 1941 года в печати и в кинохронике подробно показывают зверства фашистов: расправу с беззащитными пленными женщинами и детьми, разорение сел и городов, осквернение религиозных святынь. «Немец-фашист-зверь» — таким был ассоциативный ряд в представлении советских людей с 1942 года до конца войны. Этот образ должен был способствовать предельной морально-психологической мобилизации населения на фронте и в тылу. На протяжении всего времени шел поиск золотой середины в изображении врага. Враги то чрезмерно оглуплялись, то излишне демонизировались, иногда выглядели столь сильными, что победа советских воинов становилась логически не оправданной. Постепенно эксцентрика и гротеск в изображении врага перестанут использоваться, образ нациста в кинематографе 1943—1945 годов будет развиваться от звероподобного в сторону умного и опасного противника, «цивилизованного маньяка», способного на самые изощренные зверства. Изменения претерпевали и образы Гитлера и его военачальников. По мере освобождения оккупированных территорий все более актуальной становилась проблема изображения «внутренних врагов», тех, кто перешел на службу нацистам, противников советской власти. После победы в Великой Отечественной войне над «внешним» врагом выявление «внутренних» продолжилось. А. Орлова анализирует изменения тематики фильмов в военные и послевоенные годы. Она пишет о том, как в кинематографе освещались причины поражений и отступления в первые годы войны; когда и как стала показываться гибель бойцов Красной армии, партизан и мирных жителей; как изменялся образ вышедших из плена бойцов, побывавших в оккупации женщин; верных и неверных жен. До 1943 года запретной оставалась тема пленных. Из дневника Довженко: «Раньше солдату, который убежал из плена, давали награду. В настоящий момент сажают в тюрьму...» (Ныне установлено, сообщает автор, что после проверки НКВД основная часть окруженцев все же направлялась в действующую армию.) Уже в послевоенные годы тема плена и доверия к бывшим военнопленным будет ярко воплощена на экране, хрестоматийный пример, наверное, картина Г. Чухрая «Чистое небо» (1961). А. Орлова делит период от предвоенных месяцев до отстранения от власти Хрущева на временные отрезки, имевшие яркую «кинематографическую специфику»: 1941—1942, 1943—1945, 1946—1953, 1954—1964. В годы «оттепели» ведущая тема кинематографа прошедших лет — «народ в войне, подвиг народа» — трансформируется в проблему «человек и война». Кино станет более «интимным», обратится к частным судьбам и личным переживаниям. И в то же время «зерном» «оттепельной» культуры станет дух сопротивления империи, порождавший психологию диссидентства, «двойное дно» появится едва ли не у каждого фильма, что, по мысли автора, станет одним из шагов к гибели советской империи. А. Орлова использует в своей работе документы партийных и государственных органов, стенограммы совещаний киноработников, тематические планы производства фильмов, отзывы критиков-современников о фильмах, дневники творцов. И главное — анализирует 185 кинофильмов, просматривает их судьбу. Среди них культовые, знаковые и неизвестные советскому зрителю: «Жди меня», «Великий перелом», «Падение Берлина», «Молодая гвардия», «Подвиг разведчика», «Повесть о настоящем человеке». И киноповесть «Украина в огне» Довженко (1943), отвергнутая Сталиным:

«...если судить о войне по киноповести Довженко, то... в ней участвуют одни украинцы». А. Орлова уверена, что фильмы о Великой Отечественной войне по-прежнему востребованы, ведь если в 1964 году, когда на экраны страны выходило примерно 100 кинокартин в год, лидером проката стала военная лента «Живые и мертвые», а в десятку самых кассовых отечественных фильмов последнего десятилетия вошли фильмы «Т-34» и «Сталинград». На огромном материале А. Орлова показывает, что кинематография может служить как средством консолидации общества, так и его разобщения.

Андрей Буровский. Рюрик известный и неведомый.

М.: Наше завтра, 2023. — 256 с.

Со школы мы «твердо знаем», что устроителем земли Русской был пришлый варяг Рюрик. В 862 году обитатели Приильменя и Приладожья (словены? чудь? кривичи? меря? весь? финны?) пригласили его для наведения порядка на своих землях, ибо сами справиться не могли. Полулегендарный правитель стал родоначальником русской княжеской, впоследствии царской, династии Рюриковичей. Андрей Буровский уверен, что Рюрик — одна из самых таинственных личностей мировой истории: загадочно всплывает из пучины времен и так же бесследно исчезает. Кто он? Скандинав или славянин? И какого Рюрика пригласили наши далекие предки, если он, конечно, существовал в реальности? О призвании Рюрика сказано только в «Повести временных лет», нашей древнейшей летописи. Создавалась она лет через 150—200 после описываемых событий, ее составителей (а среди них автор называет Якова Чернорица и Нестора) отделяло от Рюрика, примерно как нас от Александра II. Все последующие летописи версию «Повести» повторяли. «Безмолвствует» топонимика, нет ни ни Рюриковой горы, ни Рюрик-озера, а село Городище близ Новгорода названо Рюриково лишь в начале XIX века под влиянием легенд, отождествлявших это место со столицей государства Рюрика. Нет ни одного упоминания о Рюрике и в былинах. И все-таки реальный Рюрик был, и даже не один. А. Буровский после анализа всех возможных источников, отечественных и зарубежных, обнаружил пять реальных претендентов на роль «нашего» Рюрика и детально рассматривает кандидатуру каждого из них, приводя аргументы за и против. Рюрик варяжский (за которым скрываются три исторических персонажа), Рерик Ютландский, Рюрик Ободритский из западнославянского племени ободритов с берегов Одры, Рюрик Прусский и Рюрик Роксоланский из ираноязычного племени, обитавшего в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе (II век до Р. Х.—VI век после Р. Х.). Последняя версия фантастическая, по мысли автора. «Нашим» Рюриком он склонен считать Рерика Ютландского, человека с бурной биографией. Изгнанный из родной Дании, он пиратствовал, служил королю Лотарю, правил важным центром торговли — городом Дорестадам в междуречье Рейна и Лека. В 860-х годах катастрофическое наводнение практически уничтожило город. Не тогда ли Рерик Ютландский устремился на восток, к Ладоге? «Выяснению» личности Рюрика предшествуют обширные «введения», в которых А. Буровский ищет ответ на многочисленные загадки древности. Он размышляет о достоверности летописей, о роли мифов и истории в самооценке народа в текущем времени. «И после появления письменности мифы позволяли видеть своих предков и свое прошлое так, как этого хочется живущим». И в то же время благодаря древнерусским летописям можно ясно увидеть реалии прошлого: соперничество двух центров Руси — Киева и Новгорода. «В русской исторической литературе XI века существовали и боролись между собой два взгляда на происхождение Русского государства. Согласно одному

взгляду, центром Руси и собирателем славянских земель являлся Киев, согласно второму — Новгород». В политической традиции Древней Руси, считает автор, Новгород был все же «старшим братом»: все князья Киева начинали с Новгорода! А. Буровский проясняет, какое отношение к Рюрику имели таинственные Синеус и Трувор (братья Рюрика, или это не имена собственные, а слова «свой род» и «верная дружина?»). Имеют ли отношение к Рюрику Аскольд и Дир, захватившие Киев в 866 году? Кем приходится Рюрику Хельг-Олег и Ингвар-Игорь? А. Буровский детально разобрался в том, кто такие варяги, откуда взялись и с каких пор известны на Руси. Для этого ему пришлось погрузиться в мир средневековой Скандинавии, насельники которой, викинги, ответили «на зов моря» набегами на чужие берега и созданием особой морской цивилизации. Чаще всего уходили для найма или грабежа, плыли за море ватаги молодых людей, давших друг другу клятву — вараг. А Буровский обращает внимание на странности в летописной истории призвания Рюрика. Там ничего не сказано о призвании варягов, речь идет об их возвращении. И зовут не просто варягов, а каких-то особых варягов, которые называются русь. А. Буровский выдвигает собственную оригинальную гипотезу и обосновывает ее имеющимися в распоряжении науки фактами. Он считает, что ко времени «призвания варягов» они уже были коренным населением Приладожья, таким же, как финно-угры, и более обычным, чем редкие пока в этих краях славяне. Они господствовали над завоеванными финнами, которые всех скандинавов называли «руотси». Для переселявшихся на эти земли славян заморские варяги, норманны, были чужими, а руотси, русь — своим народом, соседями. Конечно, прежде чем прийти к таким выводам, Буровский изучил все версии происхождения слова «русь», ведь вопрос о варягах, вопрос о происхождении Рюрика — это и вопрос о создателях древнейших славянских государств и о происхождении всего правящего слоя древнейшей Руси. Не обошел Буровский вниманием и «норманнскую теорию», сочтя ее конъюнктурными интригами М. Ломоносова, затеянными на выгодном политическом фоне, когда елизаветинская Россия освобождалась от «бириновщины» времен Анны Иоанновны. А заканчивает книгу А. Буровский очерком о современных Рюриковичах, живущих и в России, и на Украине, и в Польше, и по всей Европе. Ведь в результате потомками Рюрика по женской линии стали почти все современные монархи Европы и добрая половина всей аристократии. Парадоксальных суждений в книге много.

Алина Ярцева. Санкт-Петербургское подворье Успенского Староладожского монастыря и церковь Казанской иконы Божией Матери, 1901–1935: Исторический очерк. СПб.: Петрополис, 2022. — 300 с.: ил.

На углу Нарвского и Старо-Петергофского проспектов расположен живописный архитектурный храмовый комплекс, выполненный в стиле московского зодчества XVII столетия, — бывшее подворье Успенского Староладожского монастыря. Небольшой женский монастырь не один десяток лет хотел открыть свое подворье в столице, но реальная возможность появилась только в 1901 году: благодаря пожертвованиям удалось приобрести участок около Обводного канала. Уже в 1902 году там была построена и освящена деревянная часовня в честь Успения Божией Матери. А в 1904 году освятили место для строительства каменной Казанской церкви. В 1907 году на нее возвели купола и колокола. В 1910 году освятили приделы в честь Николая Чудотворца и в честь Серафима Саровского, а потом основной придел — в честь Казанской иконы Божией Матери. Алина Ярцева в деталях восстанавливает

историю возведения подворья: приобретение участка, согласования строительства часовни и церкви, обустройство подворья (все проекты первоначально одобрял Петербургский и Ладужский владыка, затем он ходатайствовал перед Синодом об испрошении высочайшего соизволения, а уже Синод направлял одобренные планы на утверждение государю). А. Ярцева рассказывает об архитектуре монастырского подворья и художественном убранстве Казанской церкви, о создателе архитектурного комплекса архитекторе В. Косякове (1862–1921), работавшем в «русском стиле», востребованном в конце XIX — начале XX века. Среди его петербургских работ — Морской собор в Кронштадте, церковь Казанской иконы Божией Матери в Воскресенском монастыре, подворье Свято-Успенской Киево-Печерской лавры на Николаевской набережной. В книге помещены уникальные фотографии подворья 1936–1938 годов. В приложении даны «Описание строений, принадлежащих Успенскому Староладужскому монастырю от 22 июля 1910 года (страховая оценка)» и «Инвентарная опись имущества Казанской церкви от 12 марта 1919 года». А. Ярцева, работая с бесчисленным множеством документов, неизменно обращается к судьбам конкретных людей. Рассказывает о жертвователях на строительство подворья, приводит массу сведений о постоянно меняющемся клире, о священнослужителях, часто сменявших место служения. Она подробно освещает работу Казанского общества трезвости в Нарвской части Санкт-Петербурга в 1910–1918 годах. Священник Михаил (Галкин), назначенный на подворье весной 1910 года, писал: «...я нарочно ходил по всем, прилегающим к церкви улицам, пробовал сосчитать число питейных заведений... и не мог сосчитать, до того их много. В праздники пьяные везде. За этой картиной веселья стоит кошмарный ужас». В октябре 1910 года Казанское братство трезвости было официально открыто, руководителями его стали священники Казанской церкви. Записывающиеся в общество давали обет не пить от одного месяца и «до навсегда». Помимо проповедей, священники читали жития святых с использованием световых картин, раздавали противоалкогольную литературу. Братство участвовало в городских крестных ходах и паломничествах, организовало свой хор. Приводится много ярких подробностей деятельности Казанского братства трезвости. Предположительно, оно перестало существовать в начале 1919 года. Именно в 1919 году подворье было ликвидировано, а Казанская церковь стала приходской. Начинаясь новый период в истории страны, в истории подворья. Ни одна из бед времен гонений Русской православной церкви не миновала подворье Успенского Староладужского монастыря. В феврале 1918 года был опубликован декрет СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви. Церковные и религиозные общества лишались прав юридического лица, их имущество объявлялось всенародным достоянием. Здания и предметы, предназначенные для богослужебных целей, могли по решению государственных органов передаваться религиозным обществам в бесплатное пользование. Разрабатывался этот документ при непосредственном участии М. Галкина, в недавнем прошлом — первого настоятеля Казанской церкви Староладужского подворья (в том же 1918 году он отречется от священнического сана). А. Ярцева подробно пишет обо всех перипетиях жизни подворья в 1917–1935 годах. Попытки отобрать у подворья жилые и служебные помещения, начавшиеся в 1919 году. Изъятие 14,3 килограммов серебра из Казанской церкви в рамках кампании, проводимой в 1922 году под предлогом помощи голодающим Поволжья. Необходимость проводить церковные церемонии только с разрешения администрации. Обновленчество, так и не принятое подворьем, — Казанская церковь осталась «тихвинской». В 1925 году монахиням Успенского Староладужского монастыря было предписано в недельный срок переехать в бывший Николаевский монастырь в Старой Ладоге, но на историческом подворье в Ленинграде богослужб-

ная жизнь продолжалась. Само участие в богослужении клириков и мирян сопряжено было с опасностью ареста. В ночь с 17 на 18 февраля 1932 года в Ленинграде было арестовано около 500 человек: монашествующие, близкие к ним представители белого духовенства и миряне. Среди них – четырнадцать монахинь и шесть послушниц Староладожского подворья (хотя официально оно было закрыто, сестры, по-прежнему жившие в корпусах подворья, сохраняли верность монастырскому уставу). А. Ярцева приводит выписки из протоколов допросов. Монахини и рясофорные послушницы подворья обвинялись «в том, что создали нелегальные монашеские общезжития и превратили их в убежище для беглых из мест заключения; устраивали нелегальные богослужения анафемствовали (проклинали) советскую власть, поминая членов императорского дома». Достаточно, чтобы быть высланными. В конце книги А. Ярцева приводит биографические справки, в том числе о священнослужителях Казанской церкви и насельниках Староладожского подворья. Ужасающая статистика. Из пятнадцати названных ею священнослужителей пятеро были расстреляны; из двадцати насельниц, сосланных на три года в Казахстан, только одна вернулась в Ленинград (и умерла в блокаду). Послушница Мария Баронова и монахиня Тамара (Параскева Михайлова) были расстреляны в 1937 году. Судьба остальных неизвестна. Книга А. Ярцевой — это документы эпохи и люди эпохи, вернее, двух эпох. В 1935 году Казанскую церковь закрыли. В ней расположилась швейная фабрика, затем мебельный комбинат. В 1989 году подворье возвратили православной церкви. В наши дни здесь размещается подворье Валаамского монастыря.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)